

ПОЛИНОМИНАТИВНОСТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

М. В. Боброва

Институт лингвистических исследований РАН
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
Поступила в редакцию 27.03.2023 г.
Принята к публикации 11.10.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5

Предпринята попытка обобщить лингвокультурологические причины возникновения множественных названий одного объекта (явления полиноминативности) на примере топонимов. Рассмотрены следующие факторы, обуславливающие возникновение полинонимов: 1) лингвосоциокультурные, ведущие к формированию подсистем названий официальных и неофициальных, общеупотребительных и ограниченной сферы употребления, нейтральных и коннотативно окрашенных; 2) лингвогеокультурные, способствующие маркированию объектов в соответствии с культурно значимыми опозициями «близкий – дальний», «левый – правый» и т.п., а далее транслирующие бинарные характеристики «свой – чужой», «хороший – плохой» и др.; 3) лингвоэтнокультурные, определяющие особенности взаимодействия и взаимовлияния ономастических систем разных этносов, сосуществующих (присутствующих) на одной территории; 4) лингвопрагматические, обеспечивающие мультипликацию ономастических единиц и подсистем в каких-либо утилитарных целях, в том числе с позиций культуры; 5) лингвокогнитивные, обеспечивающие появление «двойных» наименований, которые отражают индивидуальные или коллективные особенности мировоззренческой модели. Очевидно при этом активное взаимодействие различных факторов в конкретных исторических, социальных, культурных условиях. Перспективно изучение принципов интеракции таких факторов. Особенно значимы в этом аспекте достижения в ономастической этнолингвистике, важны проекты в области компьютерной лингвистики. Перед исследователями обсуждаемой в статье тематики стоит множество нерешенных вопросов.

Ключевые слова: топонимия, полиноминативность, полиноним, лингвокультурология

Введение

Настоящая статья посвящена такому ономасиологическому явлению, как несовпадение количества называемых денотатов и их номинаций. Асимметричность диады «денотат – именование¹» – есте-

© Боброва М. В., 2024

¹ Подразумеваем именование (номинацию) в широком, ономасиологическом понимании как результат «процесса выделения и осмысления обозначаемого предмета или события», который «выступает одновременно и как продукт классификационно-познавательной деятельности человека в выбранной области знания или общественного опыта, и как продукт деятельности речевой, языковой» (Кубрякова, 2023, с. 6). При отступлении от «вербоцентрической лингвистической концепции» и в терминологии В.И. Теркулова – номинате-

ственное ее состояние, проистекающее из принципиально невозможной «исчерпанности» номинации, то есть трансляции в одной номинативной единице всех признаков предмета, вследствие чего номинаторы могут отразить лишь отдельные, наиболее актуальные в данной ситуации особенности денотата. Так задается очень обширная тема, в которой пересекаются все исследовательские направления — в аспекте проблем дескриптивной структурно-системной лингвистики, ономазиологии, семасиологии, мотивологии, этимологии, когнитивной лингвистики и т. д. В настоящем случае мы сосредоточимся на данном ономазиологическом явлении в области топонимии.

Известны, в частности, многочисленные факты тождественности именований множества денотатов — географических объектов. Ср., например, *Saint Petersburg* как английский вариант наименования г. Санкт-Петербурга (Россия) и как наименование города в округе Пинеллас штата Флорида (США). В России крайне частотны отдельные гидронимы, и это не только десятки потапонимов типа *Березовка*, *Еловка* и т. п. Так, в республике Коми известен *Щугор* — приток Печоры, впадающей в Печорскую губу в акватории Баренцева моря; в соседнем Пермском крае идентичное название принадлежит притоку Вишерки, впадающей далее в Колву, после чего образуется цепь обратной (с севера на юг) направленности: Колва — Вишера — Кама — Волга — Каспийское море. На карте России множество озер *Щучьих*, но на их фоне выделяется, например, гелоним *Щучье*, который принадлежит озеру на территории Санкт-Петербурга и является результатом калькирования финского названия. Подобные онимы могут иметь разное происхождение, мотивировку, быть прецедентными или оригинальными единицами — так или иначе это омонимичные номинации различных объектов².

Однако мы сосредоточимся на *полионимии* — многоименности (Подольская, 1988, с. 107), или явлении превышения числа номинаций над количеством денотатов. Такие единицы способны сосуществовать в разных стилевых пластах языка, в разных его формах бытования, в разные периоды истории, ср., например, некогда историческое, а в наши дни вновь актуализированное *Санкт-Петербург*, исторические названия (архаизмы) *Петроград*, *Ленинград*, более 20 современных актуальных ойконимов и топонимических перифраз *Петербург*, *Петрополь*, *Северная Венеция*, *Культурная столица* и др. (Ахметова, 2015, с. 26).

ма, то есть любая языковая разновидность (слово, словосочетание, предложение), которая объединяет речевые модификации, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности (Теркулов, 2010, с. 257), в том числе имя собственное (оним) — «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации» (Подольская, 1988, с. 91).

² В терминологии А. В. Суперанской это «тезоименные» названия, то есть, в отличие от омонимов, примеры употребления одного имени в отношении разных объектов в пределах одного понятийного поля (Суперанская, 1973, с. 289).

С полионимией связаны различные теоретические вопросы, один из них — причины полионимативности. В числе последних называют функционирование онимов в относительно замкнутых национальных и социальных группах (в «непересекающихся средах» (Никонов, 2011, с. 151)), политические и идеологические соображения, исторические причины, различия в языке-источнике и языке-реципиенте, новые волны колонизации носителями одного языка, дестимологизацию, упрощение, ошибки и т.д. (Там же, с. 112–163; Попов, 1965, с. 86–89; Суперанская, 1973, с. 302–303). В последние годы в связи со сменой структурной научной парадигмы на антропоцентрическую в большей мере подчеркивают роль творческой деятельности человека, активных социальных и языковых процессов³.

Мы задались целью обобщить лингвокультурологические причины возникновения множественных названий одного географического объекта. Иначе говоря, мы стремимся разглядеть в фактах полионимативности проявление механизмов вербализации наших представлений о мире, результатов опыта взаимодействия с действительностью в определенных культурных условиях. Иллюстрацией отдельных положений послужат исторические и современные, официальные и неофициальные топонимы, сельские и городские микротопонимы, причем как общеизвестные, так и функционирующие в пределах одного региона — Пермского края, его столицы — г. Перми, отдельных населенных пунктов. Иллюстрации частично обнародованы ранее, ряд топонимов опубликован нами впервые.

Мы попытались сосредоточиться на интралингвистических причинах, не смешивая их с экстралингвистическими факторами, служащими толчком для последующих языковых изменений. К внешним причинам мы относим прежде всего исторические процессы (в частности, миграционные), геополитические (в частности, связанные с национальной политикой государств или с реализуемыми сейчас в контексте глобализации попытками стирания политических и этнокультурных границ, культурной нивелировки, усреднения населения планеты вплоть до политики принижения и так называемой «отмены» (остракизма) в отношении отдельных рас, национальностей и др.). Это также процессы этнические (в частности, ассимиляция народов титульными нациями или взаимодействие народов на территориях совместного проживания), торгово-экономические (в частности, такие, которые приводят к заимствованию реалий и их названий в ходе экономического взаимодействия), социальные (связанные с переустройством общества, ведущие к изменениям в структуре социума, к появлению и исчезновению макро- и микрогрупп в обществе и т.д.), информационные

³ Ср.: «...свойственны: ...полионимативность и как следствие явление асимметрии в отношениях “имя — денотат” в результате творческо-когнитивной деятельности современной русской языковой личности, а также лексико-грамматических процессов, происходящих в языке в эпоху межкультурного полилога, взаимоотношений лингвистических картин мира, множества социальных и политических изменений» (Абрамова, 2019, с. 88).

(в частности, особенности развития СМИ, специфика информационных потоков в сети Интернет) и т.д. Такие явления приводят к собственно языковым противоречиям (отсутствие у реалии наименования, неудобство или невозможность употребления элементов иноязычной системы, нежелательность элементов языка чуждого этноса, возникновение связанных с именованием нежелательных коннотаций, появление омонимичных номинаций и т.д.), которые устраняются собственно языковыми (интралингвистическими) средствами, в том числе путем мультипликации имен собственных.

Пытаясь же найти во всем комплексе и разнообразии внешних факторов некий категориальный, субстанциальный, обобщающий стержень, некий вектор, задающий направленность динамическим изменениям, мы приходим к идее, что интегральным оказывается явление поликультуральности, переходящей в мультикультуральность социума, — иначе говоря, сосуществование культур и субкультур, в рамках которых на общей для них или различной языковой базе создаются несходные языковые, в том числе ономастические, подсистемы. Наметим в настоящей статье, как это отражается в топонимиконе, когда мы говорим о причинах возникновения «двойных» названий.

1. Лингвосоциокультурные факторы

На наш взгляд, это наиболее существенные, по крайней мере на современном этапе, причины мультипликации топонимов в российском ономастиконе — причины, определяемые социально значимыми характеристиками людей в микрогруппах.

В любом государстве исторически формируются социальные и социокультурные слои, касты, сословия. В современном российском обществе значимыми оказываются такие «переменные», определяющие социальную стратиграфию, как возраст и образование людей, принадлежность к определенной субкультуре, профессиональной среде и др. Именно они приводят к тому, что в пределах одной этносоциокультурной общности сосуществуют, например, онимы официальные (общерусские и используемые в документах) и неофициальные (используемые при непосредственном общении в различных микрогруппах). Носителями первых (официальных) чаще оказываются образованные слои населения, реализующие преимущественно литературную форму бытования языка. При этом официальные названия могут быть малоупотребительны и даже вовсе неупотребительны в живой речи, неизвестны менее образованным слоям населения. Иногда различия в номенклатуре из области документооборота (официально-делового стиля языка) и живой речи (разговорно-бытового стиля) приобретают принципиальный характер.

Так, на карте Чайковского района Пермского края мы обнаруживаем наименование угодья *Букоровские Десятины*, но местным жителям оно известно только как *Десятины*; в другом населенном пункте даже

старшему поколению ничего не известно об угодье *Гульни*⁴, также отмеченном лишь на карте и называемом обычно *Колхозные поля*. В то же время мы не найдем на карте села Трун Чернушинского района название участка леса *Сибирь*, хотя оно очень активно используется в речи, так как местные жители ходят туда за грибами. В городе Перми памятник железнодорожникам, погибшим во время Великой Отечественной войны (локомотив, установленный у первой железнодорожной станции — Перми I), в речи (обычно молодежью, воспринимающей локомотив послевоенного периода скорее как инсталляцию в символической функции, нежели как памятник в функции мемориальной) именуется «памятником Анне Карениной». В период позиционирования Перми как «культурной столицы Европы» в краевом центре появилась площадь *Европы*. Однако так произвольно обозначили малопосещаемое место, в результате чего до сих пор многие пермяки не догадываются о ее существовании и называют по-прежнему (площадью) *У речного вокзала* или *У Перми I*. Спустя 12 лет площадь снова планируют переименовать, на этот раз в честь 300-летия краевого центра (площадь *Трех столетий*). Инсталляция из бревен *Пермские ворота*, состоящая из четырех фасадов в форме буквы П в отсутствие центральной части («крыши»), презрительно именуется пермяками *Табуретка*, даже *Стульчак*. Так обнаруживается столкновение официального и неофициального ономастиконов.

Нередко не совпадают топонимиконы, актуальные для людей разных поколений. Так, в селе Уральском Чайковского района Пермского края молодежь собирается *На Трубе*, это название места, которое, как оказывается, неизвестно людям среднего и старшего возраста. В деревне Акчим Красновишерского района, наоборот, представители старшего поколения рассказывали об излюбленном месте гуляний молодежи *Плишке* (это открытое пространство, поляна на скалистом, возвышающемся берегу), которое не было значимо для молодежи. Особая тема (она раскрыта, в частности, в работе Т. А. Кругляковой на материале городского топонимикона Санкт-Петербурга (2021)) — детские модификации названий, ср. урбанонимы: *Площадь Восстания* — *Площадь-С-Хвостами*, ул. *Трефолева* — ул. *Трюфелева*, *Кунсткамера* — *Скунс-камера*, *Фунт-камера*, *Кускамера*, *Ростральные колонны* — *Расстрельные*, *Расстрельные*, *Иностранальные колонны*, *Старая Ладога* — *Старая Радуга*, *Бабигонское шоссе* — *Бебибонское*, *Бибибонское шоссе*, *Марсово поле* — *Лунное поле*, *Крестовский остров* — *Крестильный остров*, *Мариинский театр* — *Мариночкин театр*, *Аничков мост* — *Анечкин мост*, *Бердов мост* — *Бредовый мост* и т. п.⁵ На материале регулярно воспроизводимых детьми трансформи-

⁴ Вероятно, это искаженное картографами *Бульни*, ср.: *бульна* 'небольшая поляна посреди леса', *бульнка* 'уменьш. к бульна', *бульничка* 'уменьш.-ласк. к бульна' (Полякова, 2007, с. 45), *бульничка* 'небольшой покос' (Словарь говоров..., 2001, с. 213), *бульнда* 'участок, покрытый травой, вырастающей на сырых местах' (Архангельский областной словарь, 1982, с. 172) и др.

⁵ Ср. также из наших наблюдений: *Нарвские ворота* — *Варварские ворота*, парк *Александрино* — *Александрино*.

рованных онимов (с опорой на комментарии их близких родственников, которых привлекла к исследованию Т. А. Круглякова) убедительно доказана специфичность детской речевой деятельности, процессов слухового восприятия, запоминания и хранения информации. Специфика обеспечивается тем, что в юном возрасте «восприятие названий носит активный характер» (Круглякова, 2021, с. 133): дети «встраивают» онимы в «рамки» своего пространственного видения, кругозора, читательского, речевого и языкового опыта, привязывая названия к элементам ландшафта, к содержанию художественных произведений, используя уже известные им семантические, фонетические, словообразовательные, грамматические модели и образцы.

Множественности фактов полиноминативности способствует также то, что для неофициальных названий, активных в социальных микрогруппах и обычно именуемых микропонимами, часто характерна неустойчивость, динамичность, сменяемость, поскольку ономастическая система чутко реагирует на различные веяния в обществе. Так, знатоки истории Перми знают, что над набережной р. Камы есть *Козий Загон*, где в XIX веке власти неудачно пытались устроить место гуляний для простых горожан, и это дореволюционное название маленького сквера *им. Федора Решетникова*; название почти не используется молодежью, но проявляет устойчивость на протяжении сотни лет в памяти и речи старших поколений. Кроме того, в современной Перми существует омонимичный микроурбаноним *Козий Загон*, который возник, вероятно, под влиянием первого, но используется в отношении Центрального парка развлечений *им. М. Горького*. На довольно значительном пространстве перед зданием Законодательного собрания (в обиходной речи чаще *Дом Советов*, редко — *Белый Дом*), называемым всеми без исключения *Эспланадой*, установлен памятник *Героям фронта и тыла*, представляющий собой три фигуры: одна из них женская, символизирующая тыл в образе матери, другая — воин с обнаженным мечом и третья — рабочий, который обернулся в сторону здания Заксобрании с характерным жестом — поднятой рукой, ладонью вперед, в знак того, что «всё в порядке, враг остановлен». Представляется, что композиция памятника не очень удачна, и в советское время пермяки иронично называли его *Трое ловят такси*, а в начале 2000-х (с выходом на экраны фильма «Властелин колец») появились новые наименования — памятник *Трем Толкинистам*, памятник *Галадриели, Леголасу и Боромиру*. Тогда же в Перми было обозначено свое *Средиземье* (с аллюзией на фантастический мир Дж. Р. Р. Толкиена) — под *Камским мостом*, соединяющим право- и левобережную части Перми, *Мория* (название города-государства гномов в недрах гор в романе Толкиена) — плохо освещенный, расписанный граффити подземный переход на набережную Камы.

В итоге действия разнообразных лингвосоциокультурных факторов появляются множественные подсистемы: наименования официальные / неофициальные, общеупотребительные / ограниченной сферы употребления, нейтральные / коннотативно окрашенные, иные.

2. Лингвогеокультурные факторы

Значимо также тяготение носителей топонимикона к традиционной или современной культуре, что в конечном итоге можно рассматривать как разновидность факторов лингвогеокультурных – в частности, в русле идей актуального для русских разделения города и деревни. Ср. нормированное «городское» *Пермь* и огласовку *Перемь*, выдающее в тех, кто ею пользуется, сельчан.

Гора *Полюд* среди местного населения известна также как *Полюдов Камень*, *камень Полюд*, и в таких вариантах актуализировано слово *камень* в диалектном значении 'камень, скала, гора'. Ср. данные диалектов: 'гора с обнажениями скалистых каменных пород', 'выход скалистых пород в горе, утес', 'горный хребет' (Словарь пермских памятников..., 2010 с. 147; Полякова, 2010, с. 243), 'гора, хребет, горный кряж' (Даль, 1997, с. 80), 'горный хребет' (Подвысоцкий, 1885, с. 62), 'скала, утес', 'гора; горная цепь, хребет', 'горы, лишённые растительности', др. (Словарь русских народных говоров, 1977, с. 23), 'береговая скала' (Словарь русских говоров Среднего Урала, 1971, с. 13). Специфичную семантику слова *камень* носители севернорусских говоров переняли у коренного финно-угорского населения. Ср. названия *Уральских гор*: «...ненцы именуют Урал Нгарка Пэ – «Большие Камни», ханты – Кев («Камень»), манси – Нёр («Камень»), коми – Из («Камень»)» (Матвеев, 2008, с. 6). Под их влиянием возникло русское обозначение *Камень* 'Уральские горы', которое использовалось до XVII–XVIII веков в официальных документах (ср.: *камень* 'скала, утес, гора', 'название Уральских гор' (Словарь русского языка..., 1980, с. 46), *Сибирский (Уральский) камень* 'Уральские горы', *уйти за камень* 'переехать в Сибирь' (Словарь языка мангазейских памятников..., 1971, с. 179–180), 'весь Урал, весь Яблонный хребет' (Даль, 1997, с. 80)), а в живой речи (например, в рассказах охотников, что документировалось в записях диалектологических экспедиций⁶) до второй половины XX века, ср. также: 'отдельная высокая вершина Уральских гор (обычно у берегов реки)', 'местность на северном склоне Уральского хребта, от Екатеринбурга к Верхотурию', др. (Словарь русских народных говоров, 1977, с. 23).

Примером того, как географический фактор начинает использоваться в качестве фактора культурного, служат также полионимы меморативного характера или «вторые» названия, манифестирующие удаленность поселения (ср. названия одной пермской деревни *Савичи* / *Савина* / *Порт-Артур*).

В каких-то случаях «двойная ономастическая система» обслуживает искусственно сложившуюся конгломерацию, например вследствие на-

⁶ Прежде всего это рукописные записи (тетради) и картотека полного Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области, создававшиеся в 1950–2003 годах. Материалы хранятся на кафедре теоретического и прикладного языкознания филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

сильственного или вынужденного переселения народов и их групп. Так, в Пермский край в десятых годах XX века в ходе столыпинских реформ было переселено большое количество крестьян из разных уголков Российской империи, в том числе украинцев, эстонцев, латышей, немцев, евреев, поляков и др. (известно, что после отмены крепостного права и специфической аграрной политики к началу XX века возникли серьезные проблемы с крестьянами, оказавшимися безземельными, а в Пермском крае пустовали обширные земли). И в итоге здесь можно было обнаружить названия типа *Каменец-Подольская* (такая деревня упоминается с 1916 по 1969 год в составе Екатерининской волости Оханского уезда Пермской губернии, затем в составе Сивинского района Пермской области; ср. *Каменец-Подольский* — город в Хмельницкой области, на рубеже XIX—XX веков — *Каменец-Подольск*), вероятно возникшие благодаря таким переселенцам; показательно, что к концу XX века указанное название сменилось полионимом, оформленным по мужскому роду, аналогично мотивировавшему ойкониму (в «Списке населенных пунктов Пермской области» 1993 года это деревня *Каменец-Подольский* Сивинского района). Иногда же «удвоение» за счет прецедентных названий отвечает состоянию ономастической системы после успешно осуществленной, незахватнической колонизации (исторического переселения народов).

Подобные единицы способствуют маркированию жителей в соответствии с культурно значимыми оппозициями «близкий — дальний», «передний — задний», «правый — левый» и т. п., а вторично — «местный — приезжий», «свой — чужой», «хороший — плохой» и др. Аналогично можно усмотреть в том, как жители г. Перми отличают приезжих от местных жителей по фонетическому облику названия города: местные произносят мягко все согласные (демонстрируя свойственную русскому языку регрессивную ассимиляцию в слове), приезжие — те, кто обычно не знает, где Пермь даже примерно располагается на карте, — произносят [р] твердо (так, как в данном конкретном случае диктуют нормы литературного языка).

3. Лингвоэтнокультурные факторы

В результате исторических, политических, экономических и прочих внешних процессов приобретает важность еще одна переменная — этнический фактор. Крайне важно, говорим ли мы о проявлении в множественных номинациях форм культуры одной этнической общности или же нескольких. В ономастике возможны различные модели реализации межэтнических контактов, которым отвечают специфичные проявления полиноминативности. Нам эти разновидности видятся следующим образом.

а) «Параллельное» существование нескольких систем при фактическом отсутствии либо сведении к минимуму межэтнических контактов. Оно больше свойственно ситуации исторической смены населения в ходе миграционных процессов; на синхронном срезе сходную картину дает, в частности, самоизоляция конфессиональных групп — старове-

ров, сектантов. Примером может служить ситуация с коми-язьвинцами — одним из коренных народов Пермского края. Территориальные, экономические и конфессиональные факторы: «удаленность и замкнутость территории проживания, расселение по нескольким компактным очагам, отсутствие развития товарно-денежных отношений, втянутость населения в православие оппозиционно настроенных направлений — официального и старообрядческого» (Чагин, 2012, с. 13), оторванность от близкородственных коми-пермяков — способствовали формированию и сохранности специфичной культуры, этнической идентичности этого народа, что позволяет некоторым ученым считать коми-язьвинский самостоятельным языком, а не диалектом коми-пермяцкого, а его носителей — отдельным народом. Русские пришли на территорию проживания коми-язьвинцев в XV—XVI веках, но вплоть до середины XX столетия владение последними русским языком было слабым. Ономастикон, демонстрирующий неплохую сохранность исконных коми-язьвинских номинаций, в результате политики включения всех территорий в государственные процессы лишь в последние десятилетия испытывает русификацию (подробнее об экспедициях в верховья р. Язьвы и о современном состоянии коми-язьвинского ономастикона см.: (Боброва, Зверева, 2020)).

б) Модель взаимодействия и взаимовлияния ономастических систем разных этносов, соседствующих на одной территории длительное время; их можно рассматривать как «языковые варианты одной системы» с некоторыми модификациями. Проявляется это, например, в том, что используются две (и более) разноразличные системы одновременно. При этом названия стабильных объектов (прежде всего гидронимы и оронимы) заимствуются в язык вторичного, неаборигенного этноса с более или менее значительными формальными изменениями: в русском языке, соответственно, происходит русификация — онимы приобретают русскую огласовку, иногда калькируются, обрастают собственно русскими синтаксическими элементами типа *Новый, Нижний, Второй, Большой* и т.п. Так, в Пермском крае татарский потамоним *Кунгур* когда-то был перенесен на город, а во избежание смешения названий гидроним приобрел в русской речи форму *Кунгурка*; потамоним *Чусва*, где *-ва* — коми-пермяцкий элемент со значением ‘вода’ (в этимологии, предложенной А. С. Кривошековой-Гантман, это ‘река, текущая по каньону’⁷) был преобразован в *Чусовая*; *Кам* (так и до сих пор называется река у удмуртов) трансформировался в *Кама* (о взаимодействии этих вариантов в удмуртском языке и фольклоре см.: (Кельмаков, 2019; Боброва, Гайдамашко, 2022)); появился гидроним *Космоска* — русская огласовка с суффиксацией коми-пермяцкого *Кӧсмыс* ‘сухой холм’; *Тагъяшер* обозначается на картах как речка *Хмелевка*; есть пример, когда коми-пермяцкое *вад* ‘озеро’ в результате народной этимологии преобразовалось в *Адово* озеро, и т.п.

⁷ Из *чус* ‘глубокий овраг, ущелье, русло реки с высокими берегами, каньон’ и *ва* ‘вода’ (Кривошекова-Гантман, 2006, с. 188, 38).

В каких-то случаях мы говорим об исторической полиноминации (одно название здесь архаичное, второе активное: типа *Кунгур* / *Кунгурка*, *Чусва* / *Чусовая*), в каких-то — о синхронической (*Космыс* / *Космоска*, *Тагьяшер* / *Хмелевка* сосуществуют, используются разными народами).

Так протекают процессы активного взаимовлияния, взаимодействия со значительным взаимопроникновением, аналогичные физическому явлению диффузии.

Условно можно было бы выделить разновидность такой модели, характерную для колониальных зон, и обозначить ее как «диффузию с *частичным* взаимным проникновением ономастических систем разных этносов». Подразумевается такая ситуация, когда пришлое, некоренное население распределяется неравномерно и потому взаимодействие двух языковых систем и их ономастических подсистем происходит лишь в местах соприкосновения народов. Как известно, например, заселение Восточной Сибири русскими шло с запада на восток в основном по линии старого Иркутского тракта и Сибирской железной дороги. Т. В. Федотова в исследованиях забайкальской топонимии показала, что до сих пор в направлении на север и юг от этой главной линии количество русских названий уменьшается, зато растет число названий из языков аборигенного населения, усвоенных русским языком в исходной форме или в незначительно адаптированном виде (Федотова, 2012).

в) Еще одна модель удвоения ономастической системы возникает в результате вытеснения одного этноса и / или его культуры другим. Обычно это происходит вследствие захватнических действий одного этноса или государства по отношению к другому этносу или государству, предполагающих подавление, а иногда и «растворение», полную ассимиляцию подчиненных народов. Так, например, М. В. Дацишина исследовала те топонимы, которые во время Великой Отечественной войны использовали на территории СССР немцы, и обнаружила, что названия часто заменялись на немецкие (подробнее о корнях этого явления см. ниже). При этом в разных зонах оккупации онемечивание топонимов имело различную динамику: чем дальше от западной границы СССР находились оккупированные области, тем реже использовались немецкие названия при переименовании (Дацишина, 2020). Ср. также многочисленные исторические примеры на европейской карте, в частности на германских территориях, которые некогда были заселены славянами (Клемперер, 1998, с. 106–107).

4. Лингвопрагматические факторы

В силу взаимодействия самых разных исторических и социальных процессов следует говорить о значимости такого явления, как полидискурсивность коммуникативного поля. Вследствие тех факторов, которые обозначены выше, со временем накапливаются примеры «удвоения» топонимической номенклатуры, актуальной для различных социальных и этнических групп, регионов, и эти многочисленные факты обладают полифункциональностью, поскольку они выступают не

только в качестве локативного ориентира; в каких-то случаях они приобретают способность выражать оценку хозяйственной или культурной ценности объекта. Ср., например, трансформации названия одного из удаленных районов Перми, расположенного в правобережной части города, — *Гайва* (исторический и административный центр находится на левом берегу р. Камы): коми-пермяцкий по происхождению, этот урбаноним послужил основой для ироничных неофициальных названий *Гавайи*, *Штат О'Гайва*. Оценочный характер носит народное название участка очень качественной дороги по ул. Восточный Обход — *Пять Минут в Америке*. Отдельные народные названия выступают в мемориальной функции (обычно в речи старшего поколения), со временем закрепляются традицией (в речи новых поколений). Так, даже по прошествии 30 постсоветских лет для некоторых магазинов сохраняются номинации, на первый взгляд отражающие особенности оформления объектов или отвечающие нумеративной модели и т. п. (*Двадцать седьмой*, *Стеклашка*, *Детский мир* и др.), но в действительности транслирующие ностальгическую привязанность к ушедшей советской эпохе, неприятие происходящих в обществе изменений. Далее это приводит к возможности применения двойных наименований в зависимости от языковой ситуации с разными коммуникативными целями и с разной культурно-смысловой оценкой. В частности, возможности параллельных названий используются для создания или корректировки имиджа локуса, ср. модные сейчас обозначения Пермского края — *Парма* (из коми-пермяцкого *парма* 'густой еловый лес на возвышенности') или искусственное *Камва* (из *Кама* и коми-пермяцкого *ва* 'вода, река'), эксплуатируемые при проведении разного рода мероприятий, в рекламной функции.

В динамическом аспекте крайне значимым (особенно в последние десятилетия, в связи с усилением роли информации и расширением возможностей ее распространения) оказывается влияние идеологических установок в обществе (ср. об этом, в частности, в: (Качалкова, Рут, 2019)). Подвижки в политическом дискурсе становятся причиной появления устойчивых новообразований и даже языковых сдвигов, в том числе возникновения коннотативно окрашенных именовании, иногда «рокировок» исторических и актуальных номинаций и т. д.

Очень ярко это проявилось в первые годы существования Советской России, когда актуальной была установка «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». Для русской топонимии всегда было естественно встраивать именуемый географический объект в более глобальный локус. Но в результате социальных потрясений сменилась парадигма мышления, и собственно географическое пространство стали вписывать в пространство экономическое, культурное, политическое. Так, в Перми еще до революции были улица *Набережная*, *Нижняя*, *Средняя*, *Верхняя* — основные, параллельные Каме. Перпендикулярные реке улицы были названы по уездам: *Чердынская*, *Верхотурская*, *Соликамская*, *Красноуфимская*, *Кунгурская*, *Осинская* и т. д. Была также улица *Биармская*, поскольку по одной из версий слово *Пермь* возникло из *Биармия* (гипотеза Ф. И. фон Стрален-

берга, который в 1730 году связал названия *Биармия* и *Пермь Великая* – *Чердынь*). После 1917 года большинство улиц получило второе название – как и по всей России, в честь революционных деятелей и событий. Например, прозаичное название улицы *Средней* заменили на «идеологически выверенное» именование *Ленина*, улица *Сибирская* (часть *Сибирского* тракта, по которому гнали людей на каторгу) стала улицей *Карла Маркса*, *Дальняя* (когда-то последняя в городе) – улицей имени революционного деятеля *Хохрякова* и т. д. В постсоветский период началась «декоммунизация», в ходе которой улицам возвращали старые, еще дореволюционные названия: *Коммунистическая* снова стала *Петропавловской*, *Орджоникидзе* – *Монастырской*, *Большевикская* – *Екатерининской* и т. д. Во избежание путаницы на домах использовались таблички с обоими годонимами, и до сих пор в речи иногда мелькают советские именованья. Кроме того, не все годонимы изменены, причем не только по причине нецелесообразности экономической (дороговизны таких мероприятий); по мировоззренческим соображениям не находит поддержки, например, идея возвращения улице *Советской* исторического названия *Торговая*. Периодически поднимается – пока, к сожалению, безуспешно – вопрос о переименовании улиц, названных в честь террористов.

Стоит оговориться: как показывает опыт (и опыт уже не только нашей страны), идеологические устремления к полному стиранию («обнулению») исторической памяти народа, в том числе в топонимии, де-факто нереализуемы. Во-первых, невозможно избавиться от *всех* названий. Даже в случае физического уничтожения объектов их названия обычно сохраняются в том или ином виде длительное время. Во-вторых, попытки введения новых топонимов не всегда уместны, особенно если такие онимы искусственные и не отвечают традиционным моделям и принципам, уже сложившейся местной системе ориентиров (ср. вышеприведенный пример с площадью *Европы*). И, в-третьих, всегда будут граждане, несогласные с новыми установками, недовольные насильно внедряемой политикой и идеологией, а смена названий дает повод для выражения протеста с использованием двойной, и в первую очередь «гонимой» номенклатуры.

Показательны количественные данные: так, наши исследования ойконимии Пермского края по статистическим сведениям 1926–1927 годов (опубликованных в виде «Списков населенных пунктов Уральской области» в 1928 году) показали, что в первой четверти XX века из (примерно) 15000 ойконимов только около 700 появились после Октябрьской революции – впервые или в результате переименования (см. об этом, напр.: (Богачева, 2008)). И даже среди них абсолютное большинство было образовано по традиционным топонимическим моделям. Совершенно новые ойконимы не удержались и быстро исчезли. Утрачены названия поселений *Проснись Бедняк*, *Вперед*, *В Единении Сила*, *Лаюкс*, *Юный Сентябрь*, *Самолет*, *Виктуар*, *Возрождение*, *Будильник* и др. Вместе с тем сохранилось именование *Культуровка*; полагаем, что это оказалось возможно благодаря распространенному форманту *-овка*. Но и употребительные послереволюционные названия претерпевали трансфор-

мации. Например, выселок *Заря*, возникший в 1924 году (Уральская область, Сарапульский округ, Фокинский район, Сайгатский сельсовет), со временем стал одним из микрорайонов г. Чайковского (ныне это районный центр). Более того, образовалась *Заря-I / Первая* (с многоквартирными постройками) и *Заря-II / Вторая* («частный сектор», бывший выселок), а в обиходной речи жителей города появилось понятие «*Третья Заря*», обозначающее городское кладбище, которое расположено за этими непрестижными микрорайонами. Но кладбище расширяется, дважды оно переносилось в том же направлении, и теперь в г. Чайковском в стилистически сниженной речи используют фразеологизм *переехать на Пятую Зарю* в значении ‘умереть’.

Крайне важны лингвопрагматические установки номинаторов и пользователей номинаций в милитарном дискурсе. Так, В. М. Амиров — в числе последних, кто исследовал такой материал, — показал, что они способны выступать как структурообразующие элементы дискурсивного пространства боевых действий, «устанавливают и переустанавливают связи между элементами дискурса, вносят новую семантику в именование привычных реалий» (Амиров, 2021, с. 248).

Особенно ярки прагмоориентированные ономаσιологические процессы в ситуации оккупации. Известны, например, идеи В. Клемперера о специфике языка фашистской Германии, изложенные в классической работе «ЛТИ» (*Lingua Tertii Imperii*) (Клемперер, 1998). В центре внимания исследователя принципы функционирования «языка, который сочиняет и мыслит за тебя» в тоталитарном обществе, «языка победителя», где в принцип возведен отказ от убеждения в пользу внушения: «говорить на нем даром не проходит: его вдыхают и живут под его диктовку» (Там же, с. 40, 256). В частности, В. Клемперер подчеркивал, что в условиях, когда, с одной стороны, необходимо было резко обозначить разрыв с предшествующими нормами, а с другой — подключиться к существующей традиции для оправдания новизны вводимых порядков, идеальным средством коллективного принуждения и его принятия оказались именование и переименования. Они эффективно оберегали от нежелательного «соприкосновения» (в Германии — с евреями, аналогично на оккупированных территориях — с советской идеологией), легализовали захват немцами чужих земель, через имена собственные «вдалбливались в толпу миллионными повторениями и поглощались ею механически и бессознательно» идеи нацизма, «превращая речь в мощнейшее, предельно открытое и предельно скрытое средство вербовки» (Там же, с. 99, 102, 108 и далее).

Упомянутая статья М. В. Дацишиной — одна из последних работ, по факту иллюстрирующих и развивающих положения В. Клемперера. В статье показано, что переименования были частью политики Третьего рейха, поскольку были призваны ликвидировать не только чисто формальную путаницу, разночтения в переписке оккупационных администраций в разных странах и их берлинского руководства. Основной целью была легитимизация оккупационного режима в целях последующей германизации захваченных территорий. Самым популяр-

ным было встраивание идеологии нацизма в контекст европейской и мировой истории. Политика в области топонимии использовалась не только для стирания у населения представлений о советском прошлом, дерусификации и разжигания сепаратистских настроений, но и для закрепления с помощью языка ожиданий победы нацистов в «молниеносной войне». Вновь созданная топонимия использовалась также в целях снижения сопротивления населения оккупационным властям и для нейтрализации или привлечения населения на сторону оккупантов. Претворялся в жизнь принцип полного отказа от ряда исторических, советских идеологизированных, культурно-ориентированных названий. С приходом германских войск в советских населенных пунктах исчезали улицы *Пушкинские*, *Тургеневские*, *Толстовские*, *Ленина*, *Маркса* и т.п., даже *Крециатик* в Киеве переименовали в *фон Эйхгорнитрассе*, в разных городах появились улицы *Гитлера*, *Геринга*, *Муссолини*, *Бисмарка*, *Гаусса*, *Коха* и т.д. Когда-то вводились дореволюционные названия, иногда заменялось понятие «улица» на «линия». В топонимии всячески поддерживались слои населения, испытавшие притеснения при советской власти, немецкие идеологи очень тонко играли на комплексе неполноценности, на комплексе малых народов.

Работы А.В. Юдина (1997; 2007), Т.А. Агапкиной, Е.Л. Березович, О.Д. Суриковой (2018а; 2018б; 2019) и других исследователей свидетельствуют об особом дискурсивном ономастическом пространстве в русском фольклоре, где перемешиваются реальные и вымышленные названия, при этом реальные нередко искажаются. Специфичен дискурс художественных произведений, где якобы реальные имена собственные на самом деле выступают как искусственные, условные единицы условного ономастического пространства; признаки таких топонимов (точнее, наименований *образов географических объектов*) в лингвистическом, культурном, социолингвистическом и иных планах лишь частично совпадают с признаками соответствующего имени собственного реальной топонимической системы. Ср., например, лишь отчасти пересекающиеся, но во многом несходные и антагонистичные «Петербург Пушкина», «Петербург Гоголя», «Петербург Достоевского» и др. в так называемом «Петербургском тексте»; или оценочные высказывания: «Ты прозван Северной Пальмирой, Петром любимый Парадиз!» (А.С. Пушкин), «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» (Н.В. Гоголь), «город полусумасшедших» (Ф.М. Достоевский), «самый прозрачный и странный из всех российских городов» (Н.Я. Агнiewicz), «...нет одного: души! ...одна утилитарность» (Н.А. Некрасов), др. В русле обсуждаемой темы подобные явления в фольклоре и авторском искусстве можно было бы обозначить как «ирреальные полионимы».

Среди многочисленных лингвопрагматических функций «двойных» названий достойна упоминания также функция конспиративная, которая реализуется, например, в молодежной и (или) неформальной коммуникации. Ср. в названиях мест сбора неформальной молодежи в г. Перми в 1990-е годы: *Чили* — участок аллеи на Комсомольском проспекте, напротив магазина с кафетерием (из жаргонизма *чил(л)ить* 'от-

дышать, проводить свободное время'); У *Лысого* – центр Комсомольского сквера перед Пермским театром оперы и балета, где установлен памятник В. И. Ленину; ЦГ – Центральный гастроном.

5. Лингвокогнитивные факторы

Значимую роль в «приумножении» ономастикона способны играть причины, определяемые сознанием и мышлением индивида или коллектива, которые суть продукты языкового окружения, конкретных культурно-исторических условий, типа мышления, особой мировоззренческой модели, подсознательных мотивов, этнокультурных традиций, каких-либо предпочтений и др.

В частности, в русле современных подходов необходимо различать именованья употребительные в социальных группах («коллективные») и индивидуальные. Вторые являются элементами индивидуальной картины мира и ономастического пространства, в какой-то мере, но не абсолютно сопрягающимися с элементами, принятыми в данном языковом сообществе. Каждый пользуется иногда своими, возможно никому более не известными номинациями (например, наименованиями любимых уголков в городе, ягодных или грибных мест в лесу и т.п.). Но, поскольку все мы часть социума, даже индивидуальные названия складываются не в последнюю очередь под воздействием нашего окружения, нашего лингвокультурного, речевого, языкового «бэкграунда». Формально системы и подсистемы таких топонимов – область интересов современной социолингвистики, изучающей социолекты и идиолекты.

Вследствие разнообразных причин, как внешних, так и собственно лингвистических, любое название, особенно частотное, естественным образом «обрастает» шлейфом культурно-ценностных смыслов, в каких-то случаях превращается в культурный концепт, лингвокультурему. Ср. *Санкт-Петербург* (ассоциируемый с деятельностью Петра Великого, в честь святого покровителя которого назван город), *Петербург* (связываемый, скорее, с писателями и поэтами: Ф.М. Достоевским, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Н.А. Некрасовым и др.), *Петроград* (напоминающий о событиях 1914–1917 годов), *Ленинград* (чей образ неотрывно связан с памятью о блокаде фашистскими войсками). Каждое из этих названий несет свой «пучок смыслов»⁸. Отлична в этом отношении судьба именованья г. Перми: если основное название закрепилось в культурной концептосфере (ср., в частности, понятия *Пермь Великая* – *Чердынь*, *Пермский период*, *пермский звериный стиль*), то практически бесследно для города, для пермского региона, для русской культуры прошел короткий отрезок времени (1940–1957), когда столица края носила название *Молотов*.

⁸ «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» (Мандельштам, 1987, с. 119). Ср. также определение концепта в интерпретации Ю.С. Степанова: «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 1997, с. 40).

«Собственные имена репрезентируют коллективные представления о ракурсах интерпретации пространства, которое воспринимается сквозь призму социокультурных координат, значимых для своего времени, для данной территории и для ее языкового сообщества» (Голомидова, 2023, с. 29–30), что делает особенно привлекательным культурно-семиотический подход к анализу ономастических подсистем. Блестящий образец реализации такого подхода находим, в частности, в процитированной работе М.В. Голомидовой. Оперируя культурно-семантическими кодами, автор вскрывает стоящие за микросистемами урбанонимов ландшафтно-различительные, социально-функциональные и социально-символические смыслы. На примере урбанонимов Екатеринбурга в динамике прослеживаются ономастические процессы, которые, с одной стороны, обеспечивают развитие образа города «от частицы горнозаводской цивилизации к мегаполису, включенному в глобальные процессы» (Там же, с. 49), с другой – демонстрируют стабильность некоторых смысловых доминант. Сочетание таких процессов по итогу обуславливает формирование современной территориальной идентичности Екатеринбурга.

Архитектоника историко-культурных «текстов» *Пермь* и *Екатеринбург* в значительной степени воплощает общую для них «уральскую матрицу» (в терминологии писателя и культуролога А. Иванова) и отвечает образу «типичного уральского» города (см. также: (Абашев, 2000)). Но если «стилевое» (культурно-семиотическое) своеобразие Екатеринбурга подчиняется амбициозным устремлениям утвердить его как еще одну (уральскую) столицу, еще один центр России, то одной из ведущих «стилеобразующих» черт Перми является, скорее, обратная тенденция, которая заключается в попытке оттолкнуться от навязываемых центром культурных смыслов и обнаружить свою индивидуальность в «типично местном», уникальном пермском коде. Хронотоп современной Перми, включая его топонимическую составляющую, в значительной степени определяется установлением связей с прошлым, процессами актуализации исторической памяти, принципы которых великолепно воплощает слоган, выбранный для Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), нередко называемого просто «классическим» («Классика будущего»). И это не только декорирование зданий и улиц с использованием пермского звериного стиля, эксплуатация образа медведя (на гербе города и края, в скульптурных изображениях, в оформлении транспорта) или эстетики пермской деревянной скульптуры («пермских богов»), установка памятников и мемориальных досок ключевым для Пермского края историческим и культурным деятелям, но и переименование городских объектов с возвращением им исторических полионимов⁹.

⁹ О воплощении историко-семиотического образа Перми в топонимическом пространстве города см. (Боброва, 2011).

Заключение

Конечно, нельзя говорить о том, что перечисленные факторы действуют в чистом виде. Все они так или иначе сопрягаются: например, в ситуации оккупации, безусловно, важен и этнический момент (с агрессивным, разрушительным воздействием иной нации), и идеологический (с насаждением иных социокультурных ценностей), и социолингвистический (с принижением и подавлением одних национальных групп и языков, но возвеличиванием других), и исторический (прежде всего тогда, когда заявляется о восстановлении некоей исторической справедливости), и пр. И функционально полионимы многообразны, в частности аналогичны таким явлениям в апеллятивной лексике, как историзмы, архаизмы, синонимы, стилистические варианты.

В итоге вследствие действия разнообразных факторов и на основе несходных принципов возникают сосуществующие ономастические системы, которые могут демонстрировать разную степень взаимодействия. Так, система онимов древнейших племен или народов обычно в значительной мере утрачивается, судить о ее существовании в древности можно лишь по археологическим данным и «языковым осколкам», прежде всего в гидронимии. Но чаще мы обнаруживаем более или менее существенные пересечения онимических систем. Даже в ситуации, например, со скрывавшимися в лесах старообрядцами едва ли возможно игнорирование ими местной топонимии или полный отказ от «греховных мирских» имен собственных, их забвение и вытеснение какими-либо искусственными субститутами.

Дальнейший интерес представляет выявление конкретных примеров и принципов их взаимодействия, поскольку каждая (точнее, любая) система имен собственных — это модель мира реального (в физико-географическом, социальном, мировоззренческом и иных планах), которая выстраивается посредством различных языковых кодов — антропологического, пищевого, флористического, фаунистического, идеологического и пр. (ср., напр., топонимы типа деревня *Кузьминки*, раздвоенное поле *Штаны*, река *Березовка*, расположенный близко к деревне мелководный ручей *Куричий*, улица *Пермская*, она же *Кирова* в советский период, и пр.; аналогично в системе прозвищ или в официальном антропонимиконе разных периодов). В лингвокультурном контексте мы обнаруживаем, что двойная топонимия не является случайным сочетанием разноязычных / «разнокультурных» / «разновозрастных» и т. п. именовании. Это скорее «наложение культурных карт», как если бы накладывались карты физико-географическая, политическая, ботаническая, геологическая и др. И когда-то сопоставление таких элементов дает знание об осколках мировоззрения этносоциокультурных групп, а когда-то — и более цельный взгляд на отдельные фрагменты мировидения представителей той или иной эпохи.

Огромный интерес в этом плане представляют исследования Е. Л. Березович, в которых реконструируется топонимическая модель мира, свойственная Русскому Северу (1998; 2009; 2016). В частности, она выявила, что модель реального географического пространства строится

на основе таких параметров, как локализация в пространстве, охват местности, протяженность, обжитость пространства человеком. Сетка параметров свидетельствует о том, что в топонимии отражаются точка зрения и поле зрения номинатора, а также его стремление выделить в структуре пространства «свою», освоенную зону. Исследователем показано, что для традиционной топонимики характерна трансляция культурно значимых оппозиций, в том числе реализующих категорию удаленности — пространственной («близкий — дальний») и культурной («центр — периферия (провинция)»). Средством этнокультурного моделирования пространства выступают не только первичные, но и «вторые» или прецедентные именованья. Однако в заданном направлении еще не обследованы ономастические системы Центральной России, Сибири, Дальнего Востока, южных и западных регионов, что не позволяет проводить сопоставительные исследования. А далее важна такая работа в сопоставлении топонимиконсов соседствующих на одной территории этносов и иных подсистем полионимов.

Усматривается своеобразная связь с данным направлением исследований проекта, который реализуется в ПГНИУ коллективом ученых под руководством К. И. Белоусова. Лингвисты и программисты решают, в частности, такую сложнейшую задачу, как визуализация географических представлений о России жителей разных ее регионов. Из описания проекта: «*Семиотический подход* к описанию материала позволяет получить результаты, основанные на анализе двух кодов: графического (расположение, размер топонимом и др.) и вербального (вербализованные представления). *Лингвокогнитивный подход* позволяет, с одной стороны, исследовать процессы концептуализации и категоризации пространства России и “чужого мира” (как в вербальной, так и в графической репрезентации), а с другой — использовать такой теоретический конструкт, как “ментальная карта”. *Социолингвистический подход* направлен на выявление влияния социально-демографических факторов на реконструируемые ментальные пространства» (Наивная география).

Остаются открытыми многие вопросы. В какой степени совпадают или не совпадают ономастические (под)системы и манифестированные в них модели географического пространства? В терминах заданной темы: как в масштабах всей России проявляется моно- и полиноминативность? В какой степени ономастическое пространство является общим и, что еще более важно, идентичным, а значит, в какой степени идентично самосознание русских (в узком и широком смысле этого слова), проживающих в различных регионах?.. Все это вопросы, которые еще должны занять умы ономастологов.

Список литературы

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.

Абрамова И. Ю. Лексико-семантическая группа «Одежда» в современном русском языке: теоретико-методологические установки // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. №1. С. 83–90. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-83-90>.

Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018а. Т. 15, №1. С. 65–114. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004.

Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера I: Земли. Горы. Острова. Города // Вопросы ономастики. 2018б. Т. 15, №2. С. 28–69. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014.

Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, №2. С. 7–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014.

Амиров В. М. Особенности функционирования ономастических единиц в милитарном дискурсе вооруженного конфликта на востоке Украины // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, №1. С. 237–250. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.1.012.

Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. М., 1982. Т. 2.

Ахметова М. В. От А-Ата до ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М., 2015.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2016.

Боброва М. В. Центр vs. провинция: урбанонимия г. Перми в лингвокультурном аспекте // Притяжение Севера: язык, литература, социум : матер. I Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. : науч. электрон. изд. Петрозаводск, 2018. Ч. 1. С. 523–531.

Боброва М. В., Гайдамашко Р. В. Лингвокультурный компонент в фольклорном топониме: о семантике белого в удмуртских именованьях Камы. [Рец. на кн.:] Кельмаков В. К. Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках) : препринт / В. К. Кельмаков. Ижевск : Удмуртский университет, 2019. 104 с. // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, №3. С. 308–318. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.043.

Боброва М. В., Зверева Ю. В. Современная топонимия Верх-Язьвинского сельского поселения Красновишерского района Пермского края // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, №2. С. 99–120. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021.

Богачева М. В. Новая эпоха – новая культура? // Слово и текст в культурном сознании эпохи : матер. Всерос. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 353–361.

Голомидова М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №1. С. 29–53. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-2>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1997. Т. 2.

Дацишина М. В. Топонимия как составная часть политики Германии на временно оккупированных советских территориях // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, №1. С. 113–135. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.006.

Качалкова Ю. А., Рут М. Э. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, №3. С. 179–192. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038.

Кельмаков В. К. Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках) : препринт. Ижевск, 2019.

Клемперер В. ЛП. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

Кривошекова-Гантман А. С. Собр. соч. : в 2 т. Пермь, 2006. Т. 2 : Ономастика.

Круглякова Т. А. Модификация городских названий в речевой деятельности ребенка // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, №2. С. 121–138. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.022.

- Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 2023.
- Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург, 2008.
- Наивная география. URL: <https://naivemaps.ru/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 2011.
- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1988.
- Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века : в 2 т. Пермь, 2010. Т. 1.
- Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). М. ; Л., 1965.
- Словарь говоров Русского Севера : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001. Т. 1.
- Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века : в 6 т. / сост. Е. Н. Полякова. Пермь, 2010. Т. 2 : П–Я.
- Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Свердловск, 1971. Т. 2.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 13.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С. Г. Бархударова [и др.]. М., 1980. Вып. 7.
- Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / сост. и авт. Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания. Горловка, 2010.
- Федотова Т. В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012.
- Чагин Г. Н. Билингвизм коми-язвинцев и его отражение в топонимии бассейна реки Язьва // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. №16. С. 13–24.
- Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007.

Об авторе

Мария Владимировна Боброва, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: bomaripgu@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9858-0573

Для цитирования:

Боброва М. В. Полиноминативность географических объектов в лингвокультурном контексте // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 89–112. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5.

POLYNOMINATIVITY OF GEOGRAPHICAL OBJECTS
IN THE LINGUOCULTURAL CONTEXT

M. V. Bobrova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Ln., St. Petersburg, 199053, Russia

Submitted on 27.03.2023

Accepted on 11.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5

The article attempts to analyze the linguocultural factors contributing to the phenomenon of polynominativity – multiple names for a single object. This investigation employs toponyms as a case study. The exploration delves into several key factors that give rise to polynonyms: 1) linguosociocultural factors: these factors play a pivotal role in shaping subsystems of names, encompassing both official and unofficial, widely used and niche terms, as well as neutral and connotatively charged expressions. 2) linguogeocultural factors: they contribute to the differentiation of objects based on culturally significant oppositions such as ‘near-far’, ‘left-right’, and subsequently transmit binary characteristics like ‘own-alien’, ‘good-bad’, among others. 3) linguoethnocultural factors: these factors elucidate the intricacies of the interaction and mutual influence of onomastic systems from different ethnic groups coexisting within the same geographical space. 4) linguopragmatic factors: these factors drive the multiplication of onomastic units and subsystems for utilitarian purposes, including cultural considerations. 5) linguocognitive factors: they lead to the emergence of ‘double’ names that mirror individual or collective features of a particular worldview model. It is evident that these factors interact dynamically within specific historical, social, and cultural contexts. The study of the intricate interplay between these elements holds promise, and advancements in onomastic ethnolinguistics, coupled with developments in computational linguistics, are particularly noteworthy. Despite progress, researchers tackling this thematic area are confronted with numerous unresolved questions.

Keywords: toponymy, polynominativity, polyonym, linguoculturology

References

Abashev, V. V., 2000. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XX century]. Perm (in Russ.).

Abramova, I. Yu., 2019. Lexico-Semantic Group “Clothes” in Modern Russian Language: Theoretical and Methodical Guidelines. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 1, pp. 83–90, <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-83-90> (in Russ.).

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L. and Surikova, O. D., 2018a. Toponyms in the charms of the Russian North. I: seas and rivers. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 15 (1), pp. 65–114, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004 (in Russ.).

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L. and Surikova, O. D., 2018b. Toponyms in the charms of the Russian North. II: Lands. Mountains. Islands. Cities. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 15 (2), pp. 28–69, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014 (in Russ.).

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L. and Surikova, O. D., 2019. Toponyms in the charms of the Russian North. III: Stones. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 16 (2), pp. 7–68, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014 (in Russ.).

Akhmetova, M. V., 2015. *Ot A-Ata do yarska: slovar' neofitsial'nykh nazvaniy naselennykh punktov* [From A-Ata to Yarsk: dictionary of unofficial names of settlements]. Moscow (in Russ.).

Amirov, V. M., 2021. Functional features of onomastic units in the military discourse of the Donbass conflict. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 18 (1), pp. 237–250, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.1.012 (in Russ.).

Barkhudarov, S. G. and et al., eds., 1980. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vol. 7. Moscow (in Russ.).

Berezovich, E. L., 1998. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]. PhD Dissertation. Ekaterinburg (in Russ.).

Berezovich, E. L., 2009. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Space and human]. Moscow (in Russ.).

Berezovich, E. L., 2016. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskiy obraz prostranstva* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Mythopoetic image of space]. Moscow (in Russ.).

Bobrova, M. V. and Gaydamashko, R. V., 2022. Linguo-cultural component in a folklore toponym: the semantics of 'white' in the Udmurt names of the Kama river. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 19 (3), pp. 308–318, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.043 (in Russ.).

Bobrova, M. V. and Zvereva, Ju. V., 2021. Modern toponymy of the Verkh-Yazva rural settlement (Krasnovishersk district, Perm region). *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 18 (2), pp. 99–120, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021 (in Russ.).

Bobrova, M. V., 2018. Center vs. province: urbanonymy of Perm in the linguo-cultural aspect. In: *Prityazhenie Severa: yazyk, literatura, sotsium* [Attraction of the North: language, literature, society], 1. Petrozavodsk, pp. 523–531 (in Russ.).

Bogacheva, M. V., 2008. New era is new culture, isn't it? In: *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi* [Word and text in the cultural consciousness of the era]. Vologda, pp. 353–361 (in Russ.).

Chagin, G. N., 2012. The Komi-Yazvin bilingualism and its reflection in the toponymy of the Yazva River basin. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Socio- and psycholinguistic studies], 16, pp. 13–24 (in Russ.).

Dal, V. I., 1997. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Datsishina, M. V., 2020. Place renaming and German policy-making in temporarily occupied soviet territories. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 17 (1), 113–135, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.006 (in Russ.).

Fedotova, T. V., 2012. *Russkaya toponimicheskaya sistema Vostochnogo Zabaikal'ya* [Russian toponymic system of Eastern Transbaikalia]. PhD Dissertation. Ulan-Ude (in Russ.).

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. and Myznikov, S. A., eds., 1977. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 13. Leningrad (in Russ.).

Getsova, O. G., ed., 1982. *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Golomidova, M. V., 2023. Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: the city image in the dynamics of a toponymic text. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (1), pp. 29–53, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-2> (in Russ.).

Kachalkova, Yu. A. and Rut, M. E., 2019. "Ideological" urban place names and the renaming of city streets. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 16 (3), pp. 179–192, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038 (in Russ.).

Kelmakov, V.K., 2019. *Belaya Kama vpryam' li belaya? (Udmurtskie nazvaniya reki Kamy v pis'mennykh istochnikakh)* [Is White Kama really white? (Udmurt names of the Kama River in written sources)]. Izhevsk (in Russ.).

Klemperer, V., 1998. *LTI. Yazyk Tret'ego reikha. Zapishnaya knizhka filologa* [LTI. The language of the Third Reich. Philologist's notebook]. Moscow (in Russ.).

Krivoshchekova-Gantman, A.S., 2006. *Sobranie sochinenii: v 2 t. T. 2. Onomastika* [Collected works in 2 vol. Vol. 2. Onomastics]. Perm (in Russ.).

Kruglyakova, T.A., 2021. City place names and their modification in child speech. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 18 (2), pp. 121 – 138, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.022 (in Russ.).

Kubryakova, E.S., 2023. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech in onomasiological coverage]. Moscow (in Russ.).

Mandelsham, O.E., 1987. *Slovo i kul'tura: Stat'i* [Word and culture: Articles]. Moscow (in Russ.).

Matveev, A.K., 2008. *Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical names of the Urals: Toponymic dictionary]. Ekaterinburg (in Russ.).

Matveev, A.K., ed., 2001. *Slovar' govorov Russkogo Severa: v 7 tomakh* [Dictionary of dialects of the Russian North: in 7 vol.]. Vol. 1. Ekaterinburg (in Russ.).

Naivnaya geografiya [Naive geography]. Available at: <https://naivemaps.ru/> [Accessed 20 February 2023] (in Russ.).

Nikonov, V.A., 2011. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow (in Russ.).

Podolskaya, N.V., 1988. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Podvysotskiy, A., 1885. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg (in Russ.).

Polyakova, E.N., 2007. *Slovar' geograficheskikh terminov v russkoi rechi Permskogo kraya* [Dictionary of geographical terms in Russian speech of the Perm region]. Perm (in Russ.).

Polyakova, E.N., 2010. *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Lexicon of Perm monuments of the XVI – early XVIII century]. Vol. 1. Perm (in Russ.).

Polyakova, E.N., ed., 2010. *Slovar' permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Dictionary of Perm monuments of the XVI – early XVIII century]. Vol. 2. Perm (in Russ.).

Popov, A.I., 1965. *Geograficheskie nazvaniya (Vvedenie v toponimiku)* [Geographical names (Introduction to Toponymics)]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Stepanov, Yu.S., 1997. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow (in Russ.).

Superanskaya, A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow (in Russ.).

Terkulov, V.I., 2010. *Nominatema: opyt opredeleniya i opisaniya* [Nominatema: experience of definition and description]. Gorlovka (in Russ.).

Tsomakion, N.A., 1971. *Slovar' yazyka mangazeiskikh pamyatnikov XVII – pervoi poloviny XVIII vv.* [Dictionary of the language of Mangazeya monuments of the XVII – first half of the XVIII century]. Krasnoyarsk (in Russ.).

Vovchok, P.A. and Matveev, A.K., eds., 1971. *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 tomakh.* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 vol.]. Vol. 2. Sverdlovsk (in Russ.).

Yudin, A.V., 1997. *Onomastikon russkikh zagovorov: Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klоре* [Onomasticon in Russian incantations: Proper names in Russian magical folklore]. Moscow (in Russ.).

Yudin, A.V., 2007. *Onomastikon vostochnoslavjanskikh zagadok* [Onomasticon in East Slavic Riddles]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Maria V. Bobrova, Associate Professor, Senior Research Fellow, the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9858-0573

To cite this article:

Bobrova, M.V., 2024, Polynominativity of geographical objects in the linguocultural context, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 89–112. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))